

ПЕРЕВОДЫ TRANSLATIONS

И. Жордания

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО МНОГОГОЛОСНОГО ПЕСНОПЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Dr J. Jordania

DISAPPEARANCE OF TRADITIONAL POLYPHONIC CHURCH CHANT AS AN ISSUE OF CULTURAL ANTHROPOLOGY

В статье исследуются причины исчезновения традиционного хорового пения в различных культурах и его частичного «островного» или «очагового» сохранения. Главной причиной автор считает появление и развитие членораздельной речи.

Ключевые слова: традиционные культуры, многоголосие, культурная антропология, исчезновение многоголосного пения.

This work examines the reasons of the disappearance of traditional choral singing in various cultures, as well as its partial «insular» or «focal» preservations. The author considers the emergence and development of articulate speech to be the main cause of the gradual disappearance of multipart singing.

Keywords: traditional cultures, polyphony, cultural anthropology, the disappearance of many-voiced singing.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иосиф Жордания родился и получил образование в Грузии. В 1978 году он закончил Тбилисскую государственную консерваторию по специальности этномузыкология, в 1982 защитил кандидатскую, а в 1991– докторскую диссертации. С 1979 по 1995 И. Жордания преподавал в Тбилисской государственной консерватории, а в 1988–1995 годы был главой музыкологического сектора Центра по изучению культур Средиземноморья при Тбилисском государственном университете. С 1995 Иосиф Мендиевич живет и работает в Австралии, является Почетным научным сотрудником Мельбурнского университета, поддерживает тесные профессиональные связи с Грузинской государственной консерваторией, где он является руководителем международного отдела Исследовательского центра по изучению традиционного многоголосия.

И. Жордания – специалист в области традиционного многоголосия, автор нескольких монографий и сотен статей, опубликованных на английском, арабском, болгарском, грузинском, испанском, китайском, русском, финском, французском, японском и др. языках. Его вторая монография «Who Asked the First

Question? The Origins of Human Choral Singing, Intelligence, Language and Speech» (2006), изданная в Тбилиси на английском языке, получила Премию имени Фумио Коизуми, которая присуждается за выдающиеся заслуги в области этномузыкологии (2009). В свое время эту престижную награду вручали Джону Блэкингу и Бруно Неттлу.

Обладая уникальной копилкой фактологических данных, имея живые примеры из музыкальных многоголосных культур всего мира, И. Жордания на сегодняшний день является ученым мирового уровня, чьи взгляды во многом меняют устойчивые представления, сложившиеся в современной культурной антропологии.

Книга «Кто задал первый вопрос? Генезис хорового пения, мышления, языка и речи» получила широкий отклик не только у музыкантов, этномузыкологов, но и у этнологов, биологов и ученых-генетиков, предложивших продолжение исследований с участием известного специалиста-музыканта¹. Книга заинтере-

¹ См.: Лобанов М. Кто же задал первый вопрос? Рецензия на книгу И. Жордания «Кто задал первый вопрос? Генезис хорового пения, мышления, языка и речи» // Живая старина. – 2008. – № 3. – С. 62–65.

совала португальских ученых, которые, вначале пригласив И. Жорданию на форум по многоголосию в Портель, затем выразили желание издать расширенный двухтомный вариант книги. Работа завершена и ждет выхода в свет. В 2011 ученый был приглашен для чтения лекции и проведения семинара в Париже для научной общественности Франции. Мероприятие организовал всемирно известный этномузыколог Симха Аром. Лекция, прошедшая в здании Национального музея зоологии и биологии, была посвящена раскрытию роли музыки в эволюции человека и вызвала широкий общественный резонанс.

Несколько разделов монографии «Кто задал первый вопрос? Генезис хорового пения, мышления, языка и речи» были опубликованы в серии выпусков «Вестника Адыгейского государственного университета» в 2008–2010 годах².

Настоящая публикация является переводом двух разделов монографии «Who Asked the First Question? The Origins of Human Choral Singing, Intelligence, Language and Speech». Читателю представлены основные тезисы исследования, определяющие концептуальные взгляды автора на проблему повсеместного исчезновения традиционного многоголосного песнопения и его частичного «очагового» сохранения.

Впервые идею о том, что полифония в европейское профессиональное музыкальное искусство пришла из традиционной музыки, высказали немецкий историк музыки Мариус Шнайдер и французский ученый Поль Коллер. Более последовательно эти идеи развивал американский антрополог Брюс Ричман. Однако их умозаключения основывались не столько на мировом музыкальном опыте, географических картах распространения традиционного вокального многоголосия, сколько на камеральной работе, обобщающей большой корпус письменных источников.

В то же время большинство ученых-музыкантов придерживались другой точки зрения, согласно которой многоголосие появилось из одноголосия в ходе естественной эволюции человеческого мышления и как пример развития и усложнения человеческого интеллектуального потенциала. Отдельные сомнения в реалистичности этих умозаключений (например, идеи польского музыковеда Ю. Хоминьского,

русского ученого М. Харлапа и др.) в принципе не поколебали устоявшихся представлений о мировом развитии полифонии. В этом ракурсе многие идеи И. Жордании не просто революционны, но и весьма убедительны, ибо автор подкрепляет свои гипотезы новейшими данными, полученными учеными-генетиками, археологами, антропологами и оперирует музыкальными «археологическими» фактами, собранными со всех концов света. Этому способствует знание обширной литературы на разных языках (И. Жордания свободно владеет тремя языками).

До публикаций И. Жордании мало кто знал, что традиционное многоголосие существовало в культурах японцев, китайцев, вьетнамцев и у многих других народов, устойчиво считавшихся носителями вокально одноголосных культур. И. Жордания впервые составил карты распространения вокального многоголосия в мире, обратил внимание на взаимосвязь, казалось бы, далеких друг от друга явлений, таких, как заикание и вокальное многоголосие.

Довольно революционно выглядит предположение ученого о причинах появления европейского многоголосного профессионального искусства. И. Жордания считает его результатом синтеза двух огромных и довольно разных пластов – ближневосточного монофонического пения и древнего европейского народного многоголосия. Факты неравного распределения хорового пения на различных континентах автор объясняет асинхронным изменением речи в различных человеческих поселениях. Доказательством тому служат многочисленные археологические открытия XX века. Отсутствие хорового многоголосного пения в музыкальных культурах жителей Восточной Азии, у американских и австралийских аборигенов объяснимо ранним приобретением этими народами членораздельной речи.

Идеи И. Жордании переворачивают наше представление о развитии искусства и эволюции человека. Его мысли провоцируют на дискуссию и творческий диалог, и в этом также состоит ценность представленной публикации.

² Жордания И. К теории формирования вокального многоголосия (пер. А. Н. Соколовой) // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 10. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – С. 196–201; Жордания И. К проблеме происхождения гетерофонии в Восточной Европе (пер. А. Н. Соколовой) // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 4. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. – С. 229–236.

Яглубоко убежден, что невозможно решать проблему происхождения многоголосия без учета широкого круга вопросов о процессах эволюции человека и происхождения языка и речи. С другой стороны, многие кардинальные проблемы ранней эволюции человека невозможно понять без учета процессов развития музыкальной деятельности человека (хорового пения, чувства ритма, огромного психологического воздействия музыки на мозг человека и т. д.).

В эту же сложную систему естественно вляется вопрос о постепенном исчезновении традиционного многоголосия в самых различных культурах и вопрос о причинах его «островного» или «очагового» сохранения. Даже беглого обзора достаточно, чтобы убедиться в том, что в обозримом историческом прошлом ни одна одноголосная традиционная музыкальная культура не стала многоголосной, т. е. ни в одной традиционной культуре мы не наблюдаем перерождения монодической песенной системы в полифоническую. В то же время примеров исчезновения многоголосных традиций достаточно. Можно с уверенностью говорить, что тенденция исчезновения традиционного многоголосия в мире является не преобладающей, а **безальтернативной**. Случаи исчезновения многоголосных вокальных традиций известны в Европе, Азии, Африке, Америке и Океании. Однако при этом мы не обладаем ни одним примером появления вокального многоголосия в ходе естественной эволюции монофонической культуры. Это означает, что универсально принятая идея относительно естественного эволюционного (культурного) преобразования монофонического пения в полифоническое пение – очередной беспочвенный миф.

В мировой музыкальной науке больше чем столетие назад утвердилось представление о том, что многоголосное пение является более высокой формой музыкального мышления, новой стадией музыкального развития, которая появилась после того, как человечество исчерпало все средства дальнейшего развития в пределах первоначальной монофонической традиции. Согласно этой парадигме, вокальная монодия есть начальная стадия развития традиции вокального многоголосия. Если согласиться с этой точкой зрения, то естественно ожидать, что география распространения вокального многоголосия в пределах исторической дистанции должна постепенно и неуклонно расширяться. В то же время историческая реальность не дает нам примеров для такого утверждения и, более того, мой собственный опыт исследования в области традиционных многоголосных

культур показывает, что эта парадигма происхождения вокального многоголосия должна быть существенно пересмотрена.

В этой связи вопрос исторической динамики является и наиболее актуальным, и одновременно сложно решаемым. Поскольку мы не можем непосредственно наблюдать процесс появления (или исчезновения) многоголосных вокальных традиций, постольку мы должны использовать все имеющиеся документированные факты из истории человечества и попробовать на основе имеющихся данных реконструировать интересующие нас процессы появления или исчезновения вокальных многоголосных традиций.

В поисках фактов исторической динамики я постарался составить два списка – один, состоящий из фактов потери традиции многоголосия, и второй, состоящий из фактов возникновения многоголосной традиции из недр одноголосия. Сначала просмотрим известные нам факты потери традиции многоголосного пения.

- Северная Европа. Согласно письменным источникам высокообразованного валлийца Джиралдуса Камбрэнсиса, большая группа народов североевропейских стран (от Скандинавии до Британских островов) до конца XII столетия имела традиционное многоголосное пение [8]. В то же время современные источники свидетельствуют, что в культуре современных северных народов традиционного многоголосия практически нет, а есть лишь поздний европейский стиль многоголосия с параллельными терциями. Только Исландия сохранила более раннюю форму многоголосия, возможно, связанную с ранними формами европейской профессиональной музыки.

- Италия. В Ломбардии секундовое многоголосие было зафиксировано в XV столетии, но позже этот вид песнопения исчез [7].

- Литва. Уникальный вокальный многоголосный стиль *сутартинес*, основанный на постоянном использовании секундовых сочетаний, исчез в течение последних двух столетий [14].

- Латвия. Традиция трехголосного пения с бурдоном, находящимся в середине многоголосной структуры, и третьего голоса, составляющего нижнюю секунду по отношению к бурдону, была зафиксирована А. Юрианом в конце XIX столетия. Ныне данная традиция бесследно исчезла [9].

- Эстония. Традиция бурдонного многоголосия была зафиксирована Тампере еще в начале XX столетия [22]. Однако до конца XX века данная традиция не дожила.

- Россия. В 1920-х годах Е. Гиппиус в фольклорных экспедициях в северной части России записал уникальные дуэты и трио, исполняю-

щиеся на основе автономных мелодических линий. В последующие годы подобное многоголосие никем не фиксировалось [24].

- Сицилия. Согласно архивным данным, западная часть Сицилии была столь же многоголосной, как и остальная часть этого средиземноморского острова, но после землетрясения 1968 года традиция оказалась потерянной [11].

- Македония. Согласно исследованиям македонских этномузыкологов в результате правительственной политики традиция македонского пения, связанная с острозвучающими диссонантными секундами, в основном исчезла в период с 1950-х до 1980-х годов [5].

- Калифорния. Исторические источники и архивные записи свидетельствуют об исчезновении интересных форм вокального контрапункта, характерных для южно-калифорнийских индейцев [13].

- Венесуэла. Изабель Арец [4] говорит об общей тенденции исчезновения трехголосного пения в регионах Лара, Фалкон и Португеза.

- Тайвань. Согласно японским архивным записям маленькое горное племя *сайсат* имело традицию пения параллельными квартами. Традиция исчезла во второй половине XX столетия [23].

- Полинезия. А. Кепплер отмечает, что шестиголосное пение на Тонге еще помнят певцы старшего поколения, но на практике этот вид песнопения уже не существует. Частично вместо него исполняют трехголосие европейского типа.

- Грузия. Отчетливо видна тенденция снижения роли или частичная потеря многоголосного пения в Месхетии, Сайнгило и Хевсурети [9].

- Адыгея (Северный Кавказ, Россия). А. Н. Соловова [1] детально описывает социальные, идеологические, культурно-исторические и др. причины, повлекшие за собой исчезновение в XX веке традиционного сольно-бурдонного песнопения адыгов (черкесов).

Я полагаю, что указанные примеры являются только вершиной айсберга. Мои коллеги из разных областей мира, специалисты по этническим традиционным культурам могли бы рассказать о десятках других случаях исчезновения (или упадка) многоголосных традиций, о которых я не знаю. Интересно, что после ознакомления с моей книгой [9], известный исследователь многоголосия пигмеев Симха Аром сообщил мне, что подобная тенденция потери отчетливо прослеживается и среди пигмеев. Более конкретно, по словам Арома, многоголосная традиция ака-пигмеев претерпела деградацию

за последние десятилетия, и песни, записанные в 1970-е годы в четырехголосных вариантах, дожили до XXI века в трех- и даже двухголосном виде.

В то же время вряд ли кто из моих коллег сможет вспомнить захватывающую новость о рождении новой вокальной многоголосной культуры на основе монофонии. Я уверен, что через десять лет мы будем знать еще больше случаев исчезновения вокальных многоголосных традиций в различных частях мира. Но о многих таких случаях, произошедших в течение прошлых столетий и тысячелетий человеческой истории, мы уже не узнаем никогда.

Зачастую причины исчезновения традиционного многоголосия или его угасания лежат на поверхности. Например, в Западной Сицилии главной причиной называют стихийное бедствие (землетрясение), которое нарушило социальную жизнь традиционного общества. Для Македонии это была, главным образом, правительственная политика социалистической страны, ведущей «войну» против «вредных» пережитков старой жизни. Главными причинами исчезновения сольно-группового мужского песнопения адыгов считаются Кавказская война, изгнание народа с родных земель, идеологические установки советской власти на запрет песен, связанных с воспеванием прежней жизни и прежних героев.

Конечно, говоря о правительственной политике и идеологиях, мы не должны забыть энергичную и длительную борьбу официальной христианской церкви против народного песнопения и танцев, обращенных к языческим богам. Исторические отчеты из средневековой Грузии (как и из других стран Европы) также свидетельствуют о строгих запретах церкви против старых форм традиционного пения и танцев. Мы, возможно, никогда не узнаем степень прямого или косвенного преследования язычников и, в связи с этим, потерь в культуре многоголосного песнопения.

В то же время нельзя не вспомнить и о случаях удачного «спасения» традиции многоголосия от исчезновения. Согласно Феликсу Куиличи и Вольфгангу Лааде, традиция вокального многоголосия Корсики в 1950–1970-х годах была на грани исчезновения, но изменение государственной культурной политики во Франции и международное признание корсиканского многоголосия защитили корсиканское многоголосное песнопение и возвели его в ранг символа корсиканской культуры и этнической идентичности. Литовский сутартинес также стал символом литовской национальной идентичности, и хотя деревенская традиция уже была безвоз-

вратно потеряна, сутартинес все еще активно исполняется студентами и любительскими ансамблями.

Итак, примеров, указывающих на постепенное исчезновение многоголосных традиций, более чем достаточно. А существуют ли другие примеры, указывающие на возникновение многоголосных традиций из монофонии? Несмотря на мой острый интерес к проблемам вокального многоголосия различных народов, я не могу назвать ни одного известного мне случая рождения вокальной полифонии из монодии. Понимая, что научные теории нельзя строить на личном опыте, я попытался найти хотя бы единичные сведения, подтверждающие подобную идею, в научной литературе. Увы, я не нашел такой литературы. Конечно, нельзя не согласиться с тем, что христианские миссионеры вместе с религией пытались привить аборигенам и многоголосное пение. Однако европейские гимны успешно принимались в основном теми неевропейскими народами, которые имели собственные традиции многоголосного пения (африканские племена южнее Сахары, полинезийцы). Кроме того, в случае европейских миссионеров, преподающих христианские гимны, мы имеем дело с введением и целеустремленным обучением новой культуре, а не с эволюционным изменением традиционного певческого стиля от монофонического к полифоническому.

Я не утверждаю, что нельзя преподавать хоровое пение представителям монофонических музыкальных традиций, но нельзя не согласиться, что учить многоголосному пению легче тех людей, которые уже имеют опыт многоголосного исполнительства, пусть даже в ином стиле. Итак, исторический и научный опыт прошлого позволяет нам уверенно говорить о том, что в мировой практике нет примеров эволюционного перерождения традиционной монофонии в традиционное многоголосие.

Даже в случае длительных культурных связей с историческими соседями (как, например, в случае с армянами и грузинами, проживающими в соседстве тысячи лет), народы с монофоническим пением остаются лояльными к их собственным традициям.

Бывший Советский Союз также провел исключительно интересный для нашей темы эксперимент длиной в 70 лет с более чем 200 миллионами человек. Стремясь создавать современную социалистическую музыкальную культуру для каждого народа Советского Союза, советская власть пробовала привить хоровое пение, гармонию и многоголосие всем народам бывшего Советского Союза. Для этого российские профессиональные музыканты были от-

правлены на места для создания многоголосных версий одноголосных мелодий, создавались хоровые коллективы и т. д. Тем не менее, ни один из традиционно монофонических народов не начал петь собственные традиционные песни полифонически, и как только «перестройка» позволила местным органам взять власть в свои руки, хоры были расформированы (это особенно ярко проявилось в центральных азиатских республиках, чьи традиционные культуры базировались на монофонических вокальных традициях).

Почему же у самых серьезных музыковедов существует глубокая вера в то, что многоголосие происходит из одноголосия? На чем держится это устойчивое представление? Я объясняю устойчивость мифа о происхождении многоголосия из одноголосия двумя причинами:

1. Одноголосное пение может показаться более простым в сравнении с многоголосным пением. Позиция «от простого к сложному» с эволюционной точки зрения кажется рациональной и оправданной. Т. е. человечество должно было принять идею и способность многоголосного пения после длительного периода освоения одноголосия. Так, согласно этой модели, вокальная полифония является результатом эволюционного пути развития человеческой музыкальности, и поэтому все многоголосные культуры были в свое время монофоническими, и точно так же в какой-то дальнейший период истории все монофонические музыкальные традиции должны превратиться в многоголосные.

2. Вторым сильным аргументом в пользу рождения или эволюционного развития многоголосия служит хорошо известный факт появления многоголосия в европейской профессиональной музыке. Данный факт точно документирован во времени, и хотя этот факт принадлежит не к сфере традиционной культуры, а к профессиональному искусству, он оказал огромное психологическое влияние на поколения этномузыковедов в силу следующих факторов:

(1) европейская профессиональная многоголосная музыка была (и остается) самым значимым предметом музыковедческих исследований;

(2) доминирующее музыкальное образование во всем мире основано на европейской профессиональной музыке;

(3) большинство терминов, которые мы используем в изучении различных стилей и жанров музыки, гармонии, заимствуются из словаря европейской профессиональной музыки;

(4) на основе исследований европейской профессиональной музыки были выработаны

методы анализа традиционной музыки и понимание ее как более «примитивной» и «упрощенной» в сравнении с профессиональным искусством;

(5) и, наконец, в результате фактически полного господства и глубокого «давления» на традиционные музыкальные стили западноевропейское профессиональное искусство многим представляется как более высокая ступень развития музыкального мышления всего человечества.

Поэтому значимость европейского полифонического искусства в понимании и изучении традиционного многоголосия оказалась завышенной и преувеличенной. Среди абсолютно большинства музыковедов расхожим стало представление о том, что как европейское профессиональное многоголосие появилось на основе одноголосия через его «усложнение» и эволюционирование, так и традиционное этническое многоголосие могло развиваться от примитивных одноголосных форм к более сложным многоголосным. В течение длительного времени никто даже не пробовал серьезно доказать правильность этого предположения. Это стало музыковедческой аксиомой. Обсуждая теорию эволюционного происхождения и развития истории музыки, Бруно Неттл предположил, что хотя эта [эволюционная] «точка зрения не может быть общепринятой, она молчаливо была принята в вопросе формирования многоголосия. Действительно, нет ни одной культуры, которая бы не имела никакой монофонической музыки, и так как любое многоголосие должно состоять из автономных монофонических структур, можно предположить, что монодия предшествовала многоголосию в каждой культуре» [13, 360–361].

Возможно, эти простые рассуждения весьма убедительны, но историческая реальность появления и исчезновения многоголосных традиций, зафиксированная на различных континентах, не согласуется с этой точкой зрения.

Приведу один пример, который напрямую не связан с темой нашего исследования, но, тем не менее, имеет к ней важное методологическое отношение. Речь идет об употреблении в пищу коровьего молока. Казалось бы, человечество относится к роду млекопитающих, и выкармливание младенца любой расы невозможно без молока. Однако во взрослой жизни не каждый организм воспринимает этот продукт. Более того, целые этносы не употребляют молоко вообще (вместо этого они употребляют продукты, изготовленные из молока, т. е. продукты, которые могут усвоить – сыры, простоквашу и т. п.). В 70-х годах XX века ученые пришли к выводу

о том, что европейцы были фактически единственной группой на планете, которая может пить молоко без каких-либо осложнений. Гуманитарные программы помощи неевропейским народам, построенные на политике обеспечения стран третьего мира тысячами тонн сухого молока, были отменены, ибо голодающие не могли фактически поглотить лактозу. До этого же все были уверены, что молоко (и лактозу) могут принимать без проблем все народы мира. Почему? Ведь большинство ученых были европейцами, имели опыт восприятия молока только в Европе и просто экстраполировали этот факт на все другие народы мира. Но оказалось, что экстраполировать европейский опыт на другие регионы мира без проверки нельзя. Соответственно, так же, как мы принимаем сегодня к сведению, что не каждый может пить молоко без осложнений для здоровья, так же следует принять и понять тот факт, что появление европейской многоголосной профессиональной культуры уникально в истории музыки.

Происхождение европейского профессионального многоголосия нельзя рассматривать как случай перерождения монофонии в полифонию. Было время, когда историки музыки полагали, что многоголосие было изобретено средневековыми монахами, и они (музыковеды) пытались объяснить появление многоголосия в традиционных культурах как результат деятельности европейских миссионеров. Подобные взгляды невосвратимо канули в прошлое. Зигфрид Надель и Мариус Шнайдер были первыми среди ученых, полностью изменившими точку зрения на происхождение европейского многоголосия утверждением, что исторический процесс взаимодействия между профессиональной и традиционной полифонией должен быть полностью изменен.

Согласно их концепции, не средневековое европейское профессиональное многоголосие стало причиной появления многоголосия в традиционных культурах (через миссионеров), а, напротив, традиционное многоголосие оказало влияние на появление средневекового европейского профессионального многоголосного искусства. Для Наделя и Шнайдера источником этого влияния был главным образом Кавказ. И если Надель высказал эту идею как возможность [12], то Шнайдер сначала раскритиковал идею Наделя, но вскоре изменил свое мнение и с 1940-х до 1960-х годов издал ряд специальных публикаций по проблеме происхождения многоголосия [16; 17; 18; 19]. По мнению же Пола Коллера европейское профессиональное многоголосие развилось под прямым воздействием традиционной музыки местных, европейских

народов, в основном, средиземноморского ареала [6]. Мои исследования также подтверждают идею Пола Коллера.

Понимание механизмов возникновения европейского профессионального многоголосия может проясниться благодаря сопоставлению изучаемых процессов с историей происхождения христианской религии и христианской музыки. Христианство пришло в Европу из Ближнего Востока вместе с сопровождающей священной музыкой, существующей в ближневосточном монофоническом певческом стиле. В течение нескольких столетий священнослужители-христиане в Европе демонстрировали певческий стиль, резко отличающийся от традиционного многоголосия, более привычного для местного человека. Поддержанный официальной государственной и церковной властью, новый церковный монофонический стиль пытался подавить «языческую» традицию народных многоголосных (и, видимо, диссонантных) песнопений. Но церковная музыка не смогла оказывать вечное сопротивление давлению со стороны традиционной музыки. После первых попыток создания примеров литургического многоголосия монахами (X–XII столетия) и позже при кардинальных изменениях в идеологии и социальной жизни в эпоху Ренессанса (XV–XVI столетия) и Протестантской Революции (XVI столетие), древняя традиция многоголосного пения возвратилась на европейскую сцену как официально общепринятый европейский стиль церковной профессиональной музыки.

Поэтому мы вправе предположить, что европейское многоголосное профессиональное искусство представляет собой синтез двух огромных и довольно разных пластов музыкального искусства: с одной стороны, это ближневосточное монофоническое пение, а с другой – древний европейский многоголосный певческий стиль. Необычная история интервала квинты в европейской теории музыки, думаю, отражает этот «исторический союз» монофонического ближневосточного пения и многоголосного европейского стиля. Для ближневосточной монофонической музыкальной традиции кварта, бесспорно, является самым чистым консонантным созвучием (отсюда доминирование тетраордов в ладовых системах во многих ближневосточных культурах). Европейские теоретики музыки первоначально также относились к кварте как к консонансу. Однако в последующие века кварта стала осознаваться как несовершенный консонанс и даже диссонанс.

Ситуация, при которой интервал первоначально считается консонансом, а позже его воспринимают диссонансом, уникальна для всей

истории европейской профессиональной музыки. Как правило, бывает наоборот: интервалы, которые первоначально в музыкальной теории (и, следовательно, в музыкальном мышлении) оцениваются как несовершенные консонансы или даже диссонансы, позже приобретают окраску весьма благозвучных интервалов (например, терции и сексты перешли из отряда диссонансов в отряд консонансов).

В результате смешения ближневосточной монофонии и европейского многоголосия сложился принципиально новый стиль музыки. Ближневосточная монофония «подарила» европейской профессиональной музыке высоко развитую *мелодию*. В отличие от древнего европейского многоголосного стиля с бурдоном, с довольно резкими диссонансами по вертикали и с мелодиями весьма узкого диапазона, новый европейский профессиональный стиль сформировал другую эстетику, в которой «мелодия была душой музыки». Христианское полифоническое пение, со своей стороны, с IX до XV столетия привнесло в профессиональную музыку постепенное увеличение влияния древней многоголосной традиции.

Европейский профессиональный гармонический стиль первоначально очень отличался от старой европейской традиционной гармонии. Он категорически отверг диссонансы, такие, например, как секунды, которые, по всей вероятности, были типичны для традиционного многоголосия древней Европы. И только гораздо позже, в XX столетии, европейская профессиональная музыка приняла то, что в народной культуре, видимо, существовало тысячелетиями (произошла «эмансипация диссонанса»).

Итак, история европейской профессиональной музыки может рассматриваться как сложное взаимодействие двух контрастирующих стилей: ближневосточной монодии (характеризующейся господством ведущей мелодии, которая поддерживалась другими голосами) [1], и древнего европейского многоголосия (характеризующегося сочетанием независимых друг от друга голосов) [5].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что идея исчезновения некоторых многоголосных традиций для этномузикологии не нова. В 1961 году, анализируя вокальное многоголосие Албании на страницах Журнала международного совета народной музыки, Альберт Ллойд писал: «Конечно, сравнивая их формы [албанского вокального многоголосия] с многоголосными формами из Югославии, Болгарии и Северной Греции, складывается впечатление, что в Албании развили вокальное искусство выше. Но во-

прос в том, развили или **сохранили**? Ведь не только возможно, но даже вероятно, что древние многоголосные формы имелись на всем протяжении Южных Балкан и, возможно, далеко за пределами этого ареала, но впоследствии они истощились или исчезли. Албанские сообщества были более изолированы и культурно более консервативны, чем таковые в Болгарии. В некоторых областях Болгарии, например, в Софии, Пирине и западных областях Родопы неоднократно встречается диафония, но более сложные формы многоголосия уже не фиксируются. Кроме того, даже двухголосное пение в Болгарии в настоящее время ограничено главным образом женскими и девичьими вариантами, а женщины, как известно, медленнее мужчин меняют свои культурные традиции. Автор этих слов, к сожалению, не стал развивать идею исчезновения вокального многоголосия, но появление такой идеи (даже в связи с одной областью – Балканами) было симптоматичным.

Предположение о более раннем появлении многоголосных форм по сравнению с монодией высказывалось и российским музыковедом Мироном Харлапом [3]. По его версии большинство действий доисторических людей было основано на деятельности группы, поэтому хоровое пение и танец должны были быть самой ранней моделью человеческой музыкальной деятельности. Американский антрополог Брюс Ричман непосредственно связал развитие членораздельной речи с хоровым пением [15]. Он выдвинул гипотезу о том, что членораздельная речь появилась в связи с хоровым пением (15; см. также 21). Согласно Ричману, хоровое пение нужно рассматривать как предшествующий речи этап коммуникации. Соглашаясь с этим положением и развивая его, я полагаю, что после появления членораздельной речи хоровое пение потеряло свою непосредственную важность и постепенно стало сходить «на нет». Многочисленные свидетельства потери тради-

ций хорового пения в разных областях нашей планеты поддерживают эту идею.

Если принять во внимание факты неравного распределения хорового пения на различных континентах, то логично предположить и асинхронное изменение речи в различных человеческих поселениях. Отсутствие хорового многоголосного пения в музыкальных культурах жителей Восточной Азии, у американских и австралийских аборигенов можно было бы объяснить ранним приобретением членораздельной речи и потерей адаптивной ценности хорового пения. Но это уже огромная новая тема, которая включает данные патологии речи, дислексии, освоения фонологии в разных культурах, и другие вопросы, которых мы не будем касаться в данной статье.

Итак, подведем итог. Господствующее мнение среди музыковедов о том, что многоголосие является логическим результатом развития изначального одноголосия, не подтверждается фактами. Несмотря на широкое бытование, эту версию мы считаем ошибочной. Исторически опыт истоков европейского многоголосия не может служить моделью происхождения многоголосия из одноголосия, тем более что есть основания полагать, что многоголосие возникло в европейской профессиональной музыке под давлением местных традиционных многоголосных культур. Огромное количество фактов исчезновения и деградации традиции многоголосного пения во всех регионах мира указывает, что многоголосие было присуще древнейшим народам. Если же мы хотим найти истоки появления многоголосия в человеческих культурах, мы должны обратиться к самым ранним периодам человеческой истории, ибо вопросы истоков хорового пения и истории человеческой эволюции теснейшим образом взаимосвязаны.

Перевод с английского и предисловие
А. Соколовой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколова А. Традиционное адыгское многоголосие и его трансформация в современных условиях // Музыкальная летопись российских регионов. – Майкоп: изд-во АГУ, 2007. – С.142–146.
2. Фогель Ф., Мотульский А. Генетика человека: В 3 т. – 2-е расширен. изд. – М.: Мир, 1990.
3. Харлап М. Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972 – С. 221–274.
4. Aretz I. The polyphonic chant in South America // Journal of International Folk Music Council. – 1967. – Vol. 19. – P. 49–53.
5. Bicevski T. Two-part singing in Macedonia. – Scopje, Folklore Institute, 1986. – (In Macedonian)
6. Collaer P. Polyphonies de tradition populaire en Europe mediterraneenne // Acta Musicologica 32. 1960. – Fasc. 2/3 (Apr.-Sep.). – P. 51–66.
7. Ferand E. T. The howling in seconds of the Lombards: a contribution to the early history of polyphony // Musical Quarterly. – 1939. – 25 3 (July 1939). – P. 313–324.
8. Hibberd L. Giraldus Cambrensis and English Organ music // Jams. –1955. – VIII. – P. 208–212.
9. Jordania J. Who Asked the First Question? Origins of Human Choral Singing, Intelligence, Language and Speech. – Tbilisi State University, Logos, 2006.
10. Lloyd A. Review: Ramadan Sokoli: Polifonia jone popullore (Polyphonie populaire albanaise); Nikolai Kaufman: Triglasnite narodni pesni ot Kostursko; Tiberiu Alexandru: armonie si polifonie in cintecul popular rominesc // JIFMC. – 1961. – 13. – P. 143–146.
11. Macchiarella I. Harmonizing on the islands: Overview of the multipart singing by chording in Sardinia, Corsica, and Sicily // European Voices: Multipart singing on the Balkans and in the Mediterranean. Vienna: Bohlau Verlag, 2008.
12. Nadel S. Georgischer Gesänge. Berlin: Lautabt, Leipzig: Harrassowitz, 1933.
13. Nettl B. Polyphony in North American Indian music // Musical Quarterly. – 1961. – 47. – P. 354–362.
14. Rachiunaite-Viciniene D. Sutartines: Lithuanian polyphonic songs. – Vilnius: VAGA Publishers, 2002.
15. Richman B. On the evolution of speech: singing in the middle term // Current Anthropology. – 1993. – 34. – P. 721–722.
16. Schneider M. Geschichte der Mehrstimmigkeit. Vol. 1 and 2. – Berlin: Borntraeger, 1934, 1935.
17. Schneider M. Kaukasische parallelen zur europaisch mittelalterlichen Mehrstimmigkeit // Acta Musicologica. – 1940. – 12. – P. 52–61.
18. Schneider M. Ist die vokale Mehrstimmigkeit eine Schopfung der Altrassen? // Acta Musicologica. – 1951. – V. XXIII. – P. 40–50.
19. Schneider M. «Wurzeln und Anfänge der abendlandischen Mehrstimmigkeit» // Reports of Eight Congress of International Musicological Society. – New York, 1961. – V. 1. – P. 161–178.
20. Schneider M. Geschichte der Mehrstimmigkeit. – 2nd edition with added 3rd part. – Tutzing: Schneider, 1969.
21. Staal F. «Is syntax adaptive for cognition or communication?» Paper read at the Tenth LOS conference, «Social and Cultural Origins of Language». – Berkeley, Calif., July 1994.
22. Tampere H. Le bouronisme et ses developements dans le chant populaire de l’Estonie de Sud // Aratrukk Opetatud Eesti Seltsi Toimetustest XXX (Liber saecularis). – Tartu: K. Mattiseni Trukikoda, 1938. – P. 1–8.
23. Tsang-Houei H. Music of the Taiwan Aborigines // The Garland Encyclopedia of World Music, vol. 7. East Asia: China, Japan, and Korea / Edited by Robert C. Provine, Yoshiko Tokumaru, and J. Lawrence Witzleben. – New York: Routledge, 2002. – P. 523–529.
24. Zemtsovsky I. Russia // The Garland Encyclopedia of World Music. Vol. 8. Europe / Edited by Timothy Rice, James Porter and Chris Goertzen. – New York: Garland Publishing, 2000. –P. 754–789.